

Глава 7. Пропажа троих зверят

Цюнцы мчался стрелой, и вскоре впереди замаячили склоны Тайцишань. Острые пики вонзались в небо, заросшие буйной травой и густыми лесами, в которых призрачно таились облака.

— Апчхи!

Цзян Чаншэн звонко чихнул, обдуваемый свистящим ветром.

«Кто это поминает меня лихом? Неужели мои охранники, оставшиеся на хозяйстве?»

Он бросил взгляд на запад. Солнце клонилось к горизонту, и три его питомца, должно быть, уже изнывали от голода.

Вспышка света прорезала сумерки, и Цюнцы, приземлившись на острые камни, принял человеческий облик. Цзян Чаншэн почувствовал, что тот не в духе.

— Что с тобой? — спросил он, ободряюще хлопнув его по плечу.

Цюнцы скользнул взглядом по его руке, но промолчал, лишь отвернулся. Цзян Чаншэн не стал настаивать — тот всегда отличался холодностью и высокомерием.

— Луань-няо наверняка тебе что-то наговорила.

— Да так, пустяки. Я не придаю значения.

Цюнцы вскинул бровь:

— Тебе не страшно?

Цзян Чаншэн улыбнулся:

— Даже то, что видишь своими глазами, порой оказывается ложью. Что уж говорить о слухах.

Цюнцы замолчал. В тот миг выражение его лица стало странным — так выглядит человек, всю жизнь прошагавший по темным тропам, который, едва завидев впереди сияние, подсознательно отступает в тень.

Цзян Чаншэн засмотрелся вдаль. Вершины гор тонули в багровом мареве заходящего солнца.

Глядя на это величественное зрелище, он кожей ощущал собственную ничтожность. Повертев головой по сторонам, он озадаченно спросил:

— Странно. А где же рыбы-птицы?

— Я же говорил: встретить их — большая удача, — голос Цюнца вновь стал холодным, как ночной снег.

Цзян Чаншэн лишь усмехнулся про себя. Свою главную цель он уже выполнил. Он с удовольствием выудил «Дневник Гор и Морей»: в нем уже сияли восемь отметок: Гора Небесного Императора, птицы Ли, Сибянь, Цюнца, рыбы-птицы, Ньючуаншань, Луань-няо и Тайцишань.

Осталось всего две — и задание будет завершено.

Рядом с ним Цюнца так и источал ауру отчуждения.

— Не сердись. Даже если не поймает рыбу-птицу, приготовим что-нибудь другое.

Цзян Чаншэн подошел ближе. Лицо спутника было совсем рядом; кожа — чистый холодный нефрит, а в глубине алых глаз застыл отблеск уходящего дня.

— Я просто подумал... — внезапно заговорил Мо Ци. — Такие священные птицы, как Луань-няо или Феникс, конечно, заслуживают всеобщей любви.

Цзян Чаншэн не стал вникать в подтекст, решив, что тот просто завидует чужой славе. Кто бы мог подумать, что у грозного Цюнца найдутся такие сентиментальные мысли? Это было похоже на то, как если бы всемогущий, холодный начальник внезапно признался, что переживает из-за лысины — дистанция между ними мгновенно сократилась.

Цзян Чаншэн не выдержал и прыснул. Цюнца холодно посмотрел на него. Лавочник тут же посерьезнел и принялся наставлять:

— У каждого существа, будь то свирепый зверь или благой дух, есть свое предназначение. Совсем не обязательно, чтобы тебя любили все. Достаточно жить так, как хочешь тебе самому. Быть свободным.

Мо Ци вздрогнул. Через мгновение до ушей Цзян Чаншэна донесся низкий, бархатистый голос:

— Впредь можешь звать меня Мо Ци.

И в этот самый миг...

Алые лучи заходящего солнца прорезали небо, осветив стаю рыб-птиц. Их сероватые узоры на чешуе дивно мерцали в золотистом свете, когда рыбы-птицы одна за другой ныряли в облака.

— Гляди! — Цзян Чаншэн, забыв обо всем, во все глаза смотрел в небеса.

Зрелище было столь прекрасным, что первой его мыслью было не поймать добычу, а удержать это мгновение. Эх, будь у него сейчас камера или хотя бы телефон, чтобы запечатлеть эту красоту навсегда.

— Эх... — невольно выдохнул он.

— О чем вздыхаешь?

— Просто жаль. Кто знает, когда еще доведется увидеть такое.

Мо Ци искренне не понимал:

— Что в этом красивого?

Он небрежно достал Сферу Отражений и протянул её лавочнику:

— Можешь записать это.

Цзян Чаншэн не ожидал, что в этом мире найдутся подобные вещи. Он с восторгом принял подарок, быстро разобрался, как он работает, и сохранил волшебный пейзаж. Вспомнив, что ему только что сказали, он переспросил:

— Тебя зовут Мо Ци?

Тот лишь коротко бросил «угу».

Мо Ци вскинулся, превращаясь в крохотную точку в небесах. Сверкнула вспышка, и вскоре несколько трепещущих рыб-птиц оказались в его руках.

Цзян Чаншэн задрал голову, любуясь тем, как развеваются его одежды в лучах заката. Стройный, резкий силуэт на фоне пылающего небосвода казался совершенным. И он подумал: «Какая разница, свирепый он зверь или нет? Главное — он единственный в своем роде».

Добыв рыб-птиц, путники отправились в обратный путь. По дороге Цзян Чаншэн чихнул еще несколько раз. Видимо, его домашние зверята совсем проголодались и теперь костерят хозяина на чем свет стоит.

Вскоре они прибыли на место. Цзян Чаншэн спрыгнул со спины тигра и поспешил к своей хижине. Соломенная крыша выглядела по-прежнему жалко, но внутри всё было перевернуто вверх дном. Посуда из шкафов валялась на полу осколками, повсюду была грязь и истоптанные листья. Настоящий погром.

Гнев мгновенно вскипел в его груди. Первым делом он подумал на своих питомцев.

— Да Ша! Эр Пан! Сань Ва! А ну, живо ко мне! — прикрикнул он.

Тишина.

— Обедать собираетесь? — спросил он уже мягче.

Снова ни звука.

Цзян Чаншэн уже засучил рукава, собираясь выудить паршивцев из укрытий, но Мо Ци остановил его:

— Их здесь нет.

— А где же они?

Цзян Чаншэн заглянул на кухню. Вот те на! Его сундук для хранения продуктов тоже исчез. Огромный короб словно испарился.

— Здесь пахнет чужими зверями, — Мо Ци обвел взглядом комнату и замер у порога. Сделав шаг вперед, он внимательно изучил пятна крови и подобрал когтями клочок бурой шерсти. — Это Сяо.

— Что это за твари? Они опасны?

Цзян Чаншэн не на шутку встревожился. Все запасы еды были заперты в том ящике, ключи лежали у него в кармане, а системные вещи всегда отличались прочностью. Но больше всего он боялся за жизнь своих малышей.

В отличие от взволнованного лавочника, Мо Ци оставался невозмутимым. Он поднял глаза:

— Не переживай. Твои подопечные вполне способны постоять за себя. Сяо не слишком сильны, их просто много.

Зверь на пике стадии Зарождения Души порой сильнее любого практика того же уровня. Цзян Чаншэн вспомнил, какими робкими и беззащитными казались его питомцы рядом с Цюньцзы, и возразил:

— Ты слишком высокого о них мнения. Они не чета тебе, они очень хрупкие.

Наверняка сейчас они где-то страдают, забытые и беспомощные, и всем сердцем молят своего «отца» о спасении.

Мо Ци как-то странно посмотрел на него, но промолчал. Помедлив, он вновь обернулся огромным крылатым тигром и спокойно произнес:

— Садись.

— Куда?

— Ты ведь волнуешься. Летим на Юйцзышань.

Центральный Божественный Округ, Орден Сокровенного Духа

Весть о том, что группа Ли Хунгуана столкнулась с Цюньцзы и благополучно вернулась на Пик Потрясающий Небеса, разлетелась мгновенно. Как раз в этот день в Ордене произошло несколько важных событий, и ученики всех пиков собрались в Зале Небесного Процветания в ожидании старейшин.

Появление Ли Хунгуана приковало к себе множество взглядов.

— Шисюн, мне кажется, или твоя сила снова возросла? — прошептал Дунфан Хаожань, подойдя ближе.

Дунфан Хаожань был учеником с Пика Ясного Солнца. Когда-то он был земным принцем, но за сотню лет пути его венценосные родители давно покинули этот мир, и он окончательно оборвал связи с миром смертных. Он вступил в орден недавно, но уже достиг пятой ступени уровня Зарождения Души, что считалось признаком недюжинного таланта.

Увы, Мир Гор и Морей кишел мастерами, и конкуренция была жестокой. Самые усердные, вроде Ли Хунгуана, уже достигли пика стадии Трансформации Духа. Еще немного — и они превзойдут многих старейшин, обделенных даром.

Путь совершенствования долог: Закаливание Ци, Закладка Фундамента, Золотое Ядро, Зарождение Души, Трансформация Духа, Обретение Пустоты и Слияние с Дао. А дальше — вознесение и служба в Небесных Чертогах. Порой в нижних мирах можно было встретить даже земные воплощения богов, спустившихся для прохождения испытаний.

Орден Сокровенного Духа всегда славился своим влиянием, и многие его выходцы уже занимали посты в небесной иерархии. Каждые сто лет Орден проводил большой набор, и, помимо обладателей врожденных бессмертных тел, только самые одаренные практики из мира людей имели шанс попасть сюда.

Многие гибли во время испытаний или падали жертвой небесных кар, и те, кто оставался, были истинными столпами мира. Но даже среди них соперничество не затихало ни на миг, ведь в мире хватало и других могущественных существ: колдунов, демонов и драконов.

Глядя на Ли Хунгуана, вернувшегося с задания с явным приростом сил, Дунфан Хаожань невольно пал духом. Прежняя гордость принца крови давно стерлась, сменившись грызущей тревогой. И чем больше он старался, тем сильнее стопорился его прогресс.

«Неужели я и впрямь так бездарен?» — терзался он сомнениями.

Ли Хунгуан, заметив его хмурый вид и печаль, сразу понял, что творится на душе у младшего брата.

— Шици, не спеши так, — мягко подбодрил он его. — Порой излишнее рвение лишь мешает. Очисти разум, и всё придет в норму.

— Шисюн, признайся: во время похода тебе повстречалось что-то необычное? — осторожно спросил Дунфан Хаожань.

Ходили слухи, будто у всех учеников, сопровождавших Ли Хунгуана, резко возросла база совершенствования. Поговаривали, они встретили небожителя, сошедшего в мир для прохождения испытаний, и получили от него милость.

Ли Хунгуан не стал ничего утаивать и открыто рассмеялся:

— Да, мне действительно повезло. Я встретил одного выдающегося мастера. Духовная еда, которую он готовит, не только божественна на вкус, но и приносит невероятную пользу для духа.

При этих словах у всех практиков, внимавших разговору, загорелись глаза.

— Неужели такие люди существуют?

— Шисюн Жоци говорил, что эффект даже лучше, чем от высших пилюль Сосредоточения Духа. Это правда?

— Шисюн Хунгуан, отведи нас к этому мастеру! Мы в долгу не останемся!

Ли Хунгуан с добродушной улыбкой поклонился собратьям:

— Завтра на рассвете те из вас, кто захочет, могут отправиться со мной.

— Шисюн, ты просто лучший!

— Я так долго топчусь на одном месте, может, это мой шанс?

Среди собравшихся поднялся гул, хотя некоторые заметно погрузтели — завтра им предстояло отправиться на задания ордена в другие земли, и вернуться они нескоро.

— Лавочник Цзян скрывает свою истинную мощь и не желает раскрывать личность, — предупредил Ли Хунгуан. — Он не любит пустой болтовни, так что не вздумайте лезть к нему с расспросами.

— Понимаем, — кивнул Дунфан Хаожань.

У всех великих мастеров Мира Гор и Морей свои причуды. В конце концов, он и сам, будучи принцем, когда-то любил наведываться в народ инкогнито.

— И еще: Лавочник Цзян берет плату за каждое блюдо. Не забудьте прихватить побольше духовных камней.

Искушение преодолеть застой в развитии было слишком велико, и все практики с восторгом согласились.

В это время Цзян Чаншэн, спешащий к Юйцышань, снова несколько раз чихнул.

Он похлопал Цюньцы по шее:

— Поднажми! Чувствую, мои зверята уже на пределе.

<http://bllate.org/book/17549/1709040>